

ЛЕОНИД
НАУМОВ

СТАЛИН И НКВД

Правители и спецслужбы

Леонид Наумов

Сталин и НКВД

«Алисторус»

04.01.2014

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Наумов Л. А.

Сталин и НКВД / Л. А. Наумов — «Алисторус»,
04.01.2014 — (Правители и спецслужбы)

ISBN 978-5-4438-0463-7

Сталин и НКВД — это история напряженных отношений вождя народов и его всемогущих спецслужб. Впервые вся правда о том, был ли заговор спецслужб, зачем НКВД требовались регулярные чистки и кто кого «переиграл» в конечном итоге. Новейшее и самое актуальное на сегодняшний день исследование вопроса. Автор — один из крупнейших специалистов по истории спецслужб сталинского периода. Использованные им источники ранее никогда не были доступны широкой публике.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-4438-0463-7

© Наумов Л. А., 04.01.2014
© Алисторус, 04.01.2014

Содержание

Вступление	5
«Почетные чекисты»	7
Первый Председатель	7
Первый заместитель председателя и первый нарком	13
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Леонид Наумов

Сталин и НКВД

Книга посвящена моим родителям Анатолию и Алле Наумовым

Вступление

В марте 1948 года на Лубянке между следователем МГБ В.А. Мотавкиным и арестованной Надеждой Александровной Улановской произошел очень показательный диалог. «Я пыталась его убедить, что я советский человек, – вспоминала Улановская. – Сказала: «Не верю, что вы всерьез думаете, что я шпионка». «Если бы мы руководствовались тем, что мы думаем, мы бы пол-Москвы посадили, – ответил следователь. – Сейчас не 37-й год. Когда мы берем человека, мы точно знаем, что он совершил преступление. Мы не думаем, а знаем, что вы – шпионка. Но шпионы бывают разные. Не обязательно быть завербованной, состоять где-то в списках. Вы давали иностранцам шпионские сведения, потому что вы настроены антисоветски».

Надо заметить, что в чем-то следователь был прав: Улановская действительно была «настроена антисоветски», но «шпионские сведения» иностранцам вряд ли передавала. Просто была откровенна (более, чем следовало бы в то время) с западным журналистом левых взглядов Д. Блонденом, написавшим в 1946 г. роман «Комната на трассе».

Но какая показательная формулировка: «Сейчас не 37-й год»! И как рано – уже в 1948 г.

До сих пор мы часто слышим эту фразу: «сейчас не 37-й год» или наоборот «это же 37-й год». Эти события так глубоко отпечатались в сознании современников, что стали такими же символами как «Октябрь Семнадцатого», «Великий перелом», «22 июня», «9 мая»

Кажется что причин этого две: труднообъяснимая, на первый взгляд, гибель сотен тысяч людей и ощущение иррациональности решений, которые принимает Власть. Каждый из этих факторов в отдельности не привел бы к такому сильному влиянию на общественное сознание. Именно сочетание Иррациональности и Трагедии формирует «образ 1937 года».

Однако «37-й год» начался не убийством Кирова или речью Сталина на февральско-мартовском пленуме. Этот «год» не закончился арестом Ежова в феврале 1939 г. Предпосылки событий уходили в 1918 г., а последствия были заметны и спустя двадцать лет...

Позиция автора этой книги может быть выражена в нескольких тезисах. Возникнув вскоре после прихода к власти большевиков, ВЧК с самого начала оказалась втянута в напряженную борьбу за власть. Уже тогда в систему была заложена возможность того, что чекисты при определенных обстоятельствах смогут играть самостоятельную политическую роль. К лету 1938 г. это случилось – мощнейшая спецслужба вышла из-под контроля высшего политического руководства. Иррациональность трагедии объясняется, прежде всего, этим фактором «двоевластия». Каждый из участников борьбы принимал политические решения, исходя из своей логики, и страна не понимала, что именно происходит. Последствия трагедии оказались настолько серьезными, что и спустя десятилетия к этим событиям возвращались, пытались разобраться, что, собственно, произошло.

Ответственность за трагедию несет вся политическая элита СССР второй половины 30-х. 60—0 % этих людей погибли в результате «чистки». Остальные 30 %, и в том числе Сталин, выжили, от этого их вина, не меньше, но и не больше. Единственное их отличие в том, что они могли объясниться с потомками. Они попытались это сделать, оставив официальные документы и мемуары. Теперь мы можем, выслушав их, сделать свой вывод. Это была преступная ошибка. В чем она? В том, что позволили идеологии затуманить свою голову, а политической

целесообразности заглушить совесть. В том, что кровь, пролитая в годы междоусобия, ничему их не научила.

В дальнейшем все участники политической борьбы в нашей стране пытались использовать «эффект 1937 года» в своих интересах: рассматривали как возможный прецедент, пытались избежать или пугали возможностью повторения...

Книга посвящена, прежде всего, отношениям между руководством партии и спецслужб, наиболее подробно изучалась возможность партийного аппарата контролировать чекистов и попытки руководства НКВД-МВД играть самостоятельную политическую роль. Именно поэтому участие органов ОГПУ в проведении социалистических преобразований и роль НКВД в годы Великой Отечественной войны не описаны в этой книге. Лишь очень условно события могут быть описаны как «противостояние Партии и ВЧК-НКВД». На самом деле, роли постоянно менялись, и борьба шла между сильными политическими группировками, которые лишь условно связаны были с Лубянкой и Кремлем (точнее, Старой площадью).

Специфика исследования в том, что оно основано на изучении и интерпретации статистического материала, характеризующего ход массовых репрессий и эволюцию социального и национального состава руководителей НКВД. Обычно историки используют статистический материал о репрессиях как иллюстрацию бесчеловечной политики режима. Часто спор идет о количестве жертв, но принципиальный подход не меняется. Однако количество жертв – это следствие реальных поступков сотрудников НКВД. Если «цифры» больше средних по стране, то одних «дел», если меньше средних, то других «дел». Если выяснится, что эти цифры в разных регионах отличаются на порядок, то это следствие разной позиции чекистов. Тогда «слова» (официальные документы и мемуары) нужны нам для того, чтобы объяснить причины этих расхождений – интерпретировать «дела». Этот подход привел меня к тем же выводам, которые сформулированы «школой ревизионистов» (А. Гетти и др.). Кажется, что при интерпретации отдельных событий 1938 года уместно также использование «уликовой парадигмы» К. Гинзбурга.

Другим специфическим исследовательским приемом является попытка проследить судьбы чекистов, отмеченных знаком «Почетный работник ВЧК – ОГПУ». В 20—30-е гг. у офицеров ОГПУ-НКВД часто не было возможности получить награды. Поэтому кавалеры этой ведомственной награды представляли собой круг («орден») наиболее опытных и влиятельных чекистских руководителей. Их судьбы очень рельефно иллюстрируют (а части и указывают) тенденции эволюции кадрового состава ОГПУ-НКВД-МГБ-МВД. Они оказываются индикатором направления ротации в чекистской среде не только в 30-е годы, но и в 1946–1953 гг. Смерть Сталина предоставила этому кругу возможность второй раз попытаться взять под свой контроль политическое развитие СССР.

Эта книга продолжает исследования, начатые в работах «Борьба в руководстве НКВД 1936–1938 гг.» и «Сталин и НКВД». Выводы, сделанные в этих книгах, событиях 30-х гг. дополнены описанием истории формирования круга «Почетных чекистов» и изучению их роли в послевоенной истории.

Хочу выразить искреннюю благодарность жене Галине Наумовой, которая постоянно оказывала огромную помощь в работе.

«Почетные чекисты»

Первый Председатель

Когда 7(20) декабря 1917 года постановлением Совета Народных Комиссаров была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия при СНК по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), никто еще не мог предположить, какое будущее ожидает эту силовую структуру. Более того, вряд ли кто-то вообще предполагал, что организация просуществует много десятилетий. Слово «чрезвычайная» давало основание предполагать, что ВЧК создана на небольшой срок. Впрочем, история нашей страны тесно связана с историей спецслужб, и наверное, часть руководства большевиков допускала, что «что-то такое потребуется».

Уже в начальном этапе у ВЧК было два врага: основной и второстепенный. Основной – «контрреволюция», второстепенный – «саботаж». Разница между ними была в том, что для советской власти «контрреволюция» – «внешний враг» (не по отношению к стране, а по отношению к самой власти). «Контрреволюция» – это «монархисты, буржуазия, кулаки, церковники».

А «саботажники» – это «внутренний враг», чиновники. Власть. Точнее, часть Власти, которая не подчиняется политике партии большевиков. Саботаж – это «сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленное небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата». Задача борьбы с саботажем была поставлена перед комиссией Дзержинского зимой 1917 г., когда большевики столкнулись с сопротивлением чиновников. Их саботаж был быстро сломлен, и затем чекисты переключились на контроль за военспецами в РККА. Кажется, что многие характерные черты системы сформировались уже тогда, в «эпоху Дзержинского».

Во-первых, Всероссийская чрезвычайная комиссия, которая должна была защищать власть рабочих и крестьян Советской России, была по своему составу не «рабоче-крестьянской». В декабре 1918 г. среди руководящих работников комиссии из рабочих было 34,3 %, из крестьян – 2 %, а остальные по своему происхождению были служащими или интеллигенцией. К концу гражданской войны ситуация, правда, несколько изменилась: из рабочих было 64,6 %, из крестьян – 1 %. За годы гражданской войны в руководстве ВЧК служащие составляли 33 %, интеллигенция 27 %, рабочих 14 %.

Во-вторых, крайне специфическим был национальный состав первых чекистов. На 25 сентября 1918 из 372 сотрудников более 48 % были латышами, 30,4 % – русскими, а 9,4 % – евреями. Иными словами, в 1918 году ВЧК имело ярко выраженное «латышское лицо». Этому факту много объяснений. Играло роль и активное участие латышей в революционном движении, а латышских стрелков – в Октябрьской революции. Но огромное значение имел и «личный фактор» – роль Якова Христофоровича Петерса и Мартина Яновича Лациса в руководстве ВЧК. Конечно, это не могло не создавать проблем для руководства ВЧК, особенно если учитывать, что образовательный уровень латышских коммунистов был не очень велик, а русский язык многие из них знали плохо (если вообще знали).

В дальнейшем Дзержинский пытался выправить ситуацию, активно привлекая к работе представителей других национальностей. В значительной степени этому способствовал отъезд многих латышей в 1919 г. на родину в Советскую Латвию. Уже к середине 1919 г. половину управленцев составляли русские, роль евреев стала заметной в среднем звене и достигала 21 %. Из 17 членов Коллегии ВЧК русских было 10 человек, латышей – 3, поляков – 2, также в этот орган входил один еврей и один белорус. На 1 декабря 1921 г. в Коллегии было 4 русских, 4 еврея, 3 поляка, 3 латыша, 2 украинца.

В-третьих, образовательный уровень чекистов был довольно низким. Высшее и незаконченное высшее образование имели 12,6 %, среднее – 29 %, начальное (или самообразование) – 56,3 %.

В-четвертых, в «эпоху Дзержинского» ВЧК оказалась втянута во внутривнутрипартийную борьбу. Все началось с конфликта между Дзержинским и Петерсом. Формально это был конфликт между Дзержинским и партийной организацией в ВЧК, которая целиком находилась в руках латышей.

Здесь надо сделать одно важное отступление. Как известно, в марте 1918 года Советское правительство по инициативе Ленина заключило Брестский мир с Германией. Вместе с тем и среди большевиков, и среди их союзников, левых эсеров, было много противников мира. Среди большевиков – противников «Бреста» (т. н. «левыми коммунистами») были Н.И. Бухарин, Ф.Э. Дзержинский, А. Бубнов и другие. В партии большевиков «левые коммунисты» были в меньшинстве, а среди левых эсеров противники «Бреста» преобладали. Если бы «левые коммунисты» и левые эсеры выступили единым фронтом, мир был бы сорван.

Несмотря на то, что левые эсеры, протестуя против «Бреста» вышли из СНК, из руководства ВЧК они не вышли. Интересно, что Дзержинский придерживался такого же мнения, что и руководство левых эсеров, и хотел сохранить последних в ВЧК.

По мнению Капчинского, определенную роль в этой позиции Дзержинского играла совместная борьба левых эсеров и левых коммунистов против Брестского мира. Впрочем, возможно, что руководитель ВЧК понимал, что если левые эсеры уйдут, то он столкнется с дефицитом квалифицированных кадров.

В начале июля в Москве собрался V Съезд Советов, который должен был ратифицировать Брестский мир. 6 июля 1918 года сотрудник ВЧК, левый эсер Яков Блюмкин убил посла Германии Мирбаха. Блюмкин вошел в здание посольства, предъявив документы, подписанные Дзержинским. Потом Феликс Эдмундович утверждал, что печать ВЧК на документах подлинная, но его подпись поддельная. Расчет Блюмкина и тех, кто за ним стоял, был в том, что известие о смерти Мирбаха вызовет поддержку большинства делегатов Съезда Советов, от эсеров до большевиков, в порыве революционного энтузиазма съезд одобрит убийство «посла империалистической Германии» и разорвет Брестский мир.

Однако Ленин и Свердлов, напротив, использовали убийство Мирбаха для того, чтобы разгромить партию левых эсеров и избавиться от оппозиции. В Москве прошли столкновения между отрядом ВЧК, которым командовал левый эсер Д. Попов, и дивизией латышских стрелков, которая поддержала Ленина.

Какова роль Дзержинского в этих событиях? Узнав о теракте, он отправился в расположение отряда ВЧК Попова и потребовал выдать ему Блюмкина. В ответ левые эсеры арестовали Дзержинского, одновременно большевики арестовали фракцию левых эсеров на Съезде Советов. Так или иначе, но 6–7 июля председатель ВЧК находился в штабе Попова. Когда латышские стрелки по приказу СНК начали обстрел квартала, занятого левыми эсерами, Дзержинский мог погибнуть под артиллерийским огнем.

На чьей стороне был Дзержинский 5–6 июля 1918 года? Как уже говорилось выше, он был противником «Брестского мира». Более того, Фельштинский приводит, с моей точки зрения, убедительные доказательства того, что руководитель ВЧК знал (подозревал?), что Блюмкин готовит убийство немецкого посла, но не остановил его. «Дзержинский..., – по мнению историка, – «.. безусловно, знал, что Мирбах будет убит на днях. Но ничего не предпринял. И более того, Дзержинский знал, что 6 июля Блюмкин отправится к Мирбаху. А скорее всего, знал и то, что во время этой встречи Блюмкин Мирбаха убьет».

Однако председатель комиссии ничего не сказал Ленину о своих «подозрениях». Кроме того, и после 6 июля 1918 г. Дзержинский считал, что некоторых левых эсеров можно оставить на службе в ВЧК и даже привлекать новых. Более того, спустя год сам Яков Блюмкин сдался

советским властям, перешел на работу в ВЧК и при Дзержинском сделал там быструю карьеру. Кажется, что есть основания согласиться с версией Фельштинского. В этом случае получается, что Дзержинский рассчитывал, что удастся сохранить коалицию большевиков и левых эсеров на «антибрестской платформе революционной войны».

Интересно, что именно это обвинение выдвигалось против обвиняемых во время процесса «право-троцкистского центра» в марте 1938 года. «Уже в 1918 году, непосредственно вслед за Октябрьской революцией, в период заключения Брестского мира Бухарин и его группа так называемых «левых коммунистов» и Троцкий с его группой, совместно с «левыми» эсерами организовали заговор против В.И. Ленина как главы Советского правительства. Бухарин и другие заговорщики, как это видно из материалов следствия, имели своей целью сорвать Брестский мир, свергнуть Советское правительство, арестовать и убить В.И. Ленина, И.В. Сталина и Я.М. Свердлова, и сформировать новое правительство из бухаринцев, которые тогда для маскировки называли себя «левыми коммунистами», троцкистов и «левых» эсеров».

Конечно, государственный обвинитель Вышинский искажает события:

– никто не собирался убивать Ленина, и Бухарин, признавая факт своих переговоров (консультаций) с левыми эсерами, категорически отрицал планы убийства вождя партии: «Об аресте разговор был, но не о физическом уничтожении».

– к лету 1918 года позиция Троцкого уже изменилась, и он активно участвовал в проведении политики Ленина, и боролся против левых эсеров 6 июля;

– Сталин находился в Царицыне, и вряд ли его арест входил в первоочередные планы «заговорщиков».

Но Вышинский утверждал, что:

1) **«левые коммунисты»... оказывают «левым» эсерам организационную и политическую помощь** (выделено мной... – Л. Н.);

2) совместными действиями «левых» эсеров и «левых коммунистов» должно быть свергнуто правительство Ленина и сформировано новое правительство в составе «левых коммунистов» и «левых» эсеров. После этого «левые» эсеры организовали убийство Мирбаха и июльский мятеж. **В курсе готовившегося убийства Мирбаха и июльского мятежа «левые коммунисты» были полностью»** (выделено мной... – В. Н.). Фактически это обвинение в адрес Дзержинского.

Правда, в документах 1938 года не фигурировало имя Дзержинского, что само по себе показательно. Сталин обвиняет Н.И. Бухарина и В.А. Карелина в сговоре с целью убрать «правительство Ленина-Свердлова-Сталина» и сорвать мир с Германией. Понятно, что Сталин не хочет (пока) называть имя Дзержинского, но показательно, что он не упоминает о нем вообще. То есть ни ВЧК, ни ее председатель не упоминаются как сила, которая могла бы сорвать «заговор».

Конечно, Сталин хотел подорвать авторитет руководителя ВЧК. На февральско-мартовском пленуме 1937 года он вдруг «внезапно» вспомнил, что Дзержинский тоже был троцкистом. Потом развернул эту мысль на заседании Военного Совета в июле 1937 г.: «Дзержинский голосовал за Троцкого, не просто голосовал, а открыто Троцкого поддерживал при Ленине против Ленина. Вы это знаете? Он не был человеком, который мог бы оставаться пассивным в чем-либо. Это был очень активный троцкист, и все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого. Это ему не удалось». Сталин, скорее всего, имеет ввиду «профсоюзную дискуссию» 1921 года, в которой Дзержинский действительно был на стороне Троцкого и участвовал во фракционных собраниях. Правда, ничего не известно о том, что «все ГПУ он хотел поднять на защиту Троцкого». ГПУ тогда еще не было, а мемуаристы свидетельствуют, что Дзержинский в тот момент, напротив, был готов уйти из ВЧК. На фракционном собрании троцкистов «Феликс Эдмундович попросил слова и выступил очень взволнованно: «Товарищи, вы называете мою кандидатуру в члены ЦК, вероятно имея в виду, что я буду продолжать работу в качестве председателя

ВЧК. А я не хочу, а главное – не смогу там больше работать. Вы знаете, моя рука никогда не дрожала, когда я направлял карающий меч на головы наших классовых врагов. Но теперь наша революция вступила в трагический период, во время которого приходится карать не только классовых врагов, а и трудящихся – рабочих и крестьян – в Кронштадте, в Тамбовской губернии и в других местах. Вы знаете, товарищи, что я не щадил своей жизни в революционной борьбе, боролся за лучшую долю рабочих и крестьян. А теперь и их приходится репрессировать. Но я не могу, поймите, не могу! Очень прошу снять мою кандидатуру».

Утверждая, что «активный троцкист» Дзержинский «все ГПУ хотел поднять на защиту Троцкого», Сталин сознательно (или бессознательно) создает впечатление, что Дзержинский был на стороне троцкистов в 1923–1926 гг., что, конечно, неверно. В 1922 году он поддержал Сталина и Орджоникидзе в «грузинском деле», чем вызвал резкую критику Ленина, и затем начал активно бороться с троцкистами. «Наиболее верных соратников, первых своих соратников, Сталин нашел в Орджоникидзе и Дзержинском. Оба они находились в своем роде под опалой Ленина», – вспоминал потом Троцкий.

Зачем Сталину исказить прошлое, подрывая образ «рыцаря революции» спустя 20 лет? Если бы Дзержинский был жив, то, конечно, он мешал бы сталинской монополии, но если его уже нет, его образ, как «образ Ленина» и «образ Свердлова», наоборот удобно использовать для сталинской пропаганды, тем более, что и лгать особенно не надо: Дзержинский действительно активно боролся с троцкистско-зиновьевской оппозицией. Кажется, разгадка в том, что «образ Дзержинского» оказался очень сильным и подсознательно Сталин чувствовал, что он не может быть так просто использован. Наоборот, он бы конкурировал с «образом Сталина». Как известно, и друзья, и враги признавали высокие моральные качества Дзержинского, такие, как его бескорыстие и самоотверженность. «Дзержинский отличался глубокой внутренней честностью, страстностью характера и импульсивностью. Власть не испортила его», – рассказывал Троцкий.

«Я возненавидел богатство, так как полюбил людей, так как я вижу и чувствую всеми струнами своей души, что сегодня... люди поклоняются золотому тельцу, который превратил человеческие души в скотские... и изгнал из сердец людей любовь... Помни, что в душе таких людей, как я, есть святая искра... которая дает счастье даже на костре... вместе с кучкой моих ровесников дал клятву бороться со злом до последнего дыхания», – записал в дневниках молодой Феликс и, кажется, смог сохранить верность идеалом юности.

Он начал жизненный путь, как искренне верующий католик, который затем разочаровался в Боге, но сохранил многое из духовного настроения христиан. По сути, Дзержинский пережил ту драму, которая была характерна для русских революционеров в 60–70-е гг. XIX века, для поколений Чернышевского и Желябова. На рубеже веков и Ленин, и Бухарин формировались уже в другой, светской и атеистической среде, и духовные переживания предшественников были им неизвестны. Дзержинский был среди них «белой вороной».

Для того, чтобы правильно оценить роль этой личности в советской истории, надо отметить несколько важных особенностей формирования кадров ВЧК – ГПУ.

Во-первых, по справедливому замечанию Бажанова, руководству партии нужен был именно такой человек во главе спецслужбы. Власть чекистов была очень велика, искушения использовать ее для личного обогащения слишком сильны. Именно поэтому во главе комиссии необходим был бескорыстный человек, который «ходит в гимнастерке с заштопанными локтями и в старой шинели». Нужен был человек, который сможет противостоять коррупции и злоупотреблениям. Насколько остро стояла проблема, можно пояснить, приведя лишь один пример. В мае – июне 1918 года была создана Контрольно-ревизионная коллегия (КРК) ВЧК, перед которой была поставлена задача борьбы со злоупотреблениями со стороны сотрудников ВЧК. Все понимали, что в условиях чрезвычайной ситуации таких случаев будет много. Однако, уже через полгода, в декабре 1918 г., был арестован заместитель председателя имен-

ной этой комиссии Ф.М. Косарев. Его обвиняли в вымогательстве крупной денежной суммы у женщины, которая хотела спасти арестованного мужа. В деле были замешаны и другие члены коллегии, в феврале 1919 г. Косарева расстреляли. Безусловно, Феликс Эдмундович отлично подходил на роль непримиримого борца с злоупотреблениями самих чекистов, и сотрудники знали, что «договориться не получится».

Во-вторых, для ВЧК была характерна своеобразная система подбора кадров. В центральном аппарате в годы гражданской войны практически не была предусмотрена возможность для сотрудников среднего звена «сделать карьеру» и занять руководящие должности. А при подборе кадров среднего и младшего уровня основную роль играла система «личных рекомендаций». Кажется, что система кланов, которая станет доминировать в 30-е годы, начала формироваться еще тогда, в 1919–1921 гг. Троцкий потом напишет, что «Дзержинский действительно не был организатором в широком смысле слова... Он *привязывал к себе сотрудников, организовывал их своей личностью* (выделено мной. – Л.Н.) но не своим методом».

В-третьих, данные о расстановке чекистских кадров в 1919–1921 гг. подводят к выводу, что ротация сотрудников центрального аппарата возрастала прямо пропорционально их должностному положению. Из 8 членов Коллегии ВЧК (март 1919) к 1922 г. остался один Дзержинский. Иными словами, в глазах среднего и младшего звена работников комиссии Феликс Эдмундович к 1922 году оказался единственным руководителем, который стоял у истоков ВЧК. Он был, так сказать, «носителем традиции» спецслужбы.

После его смерти руководство ОГПУ дважды пыталось ввести награду «Орден Дзержинского». Первый раз это произошло в 1927 году. Ягода утвердил инициативу учреждения «ордена имени Дзержинского для награждения чекистов, отличившихся на работе в боевой обстановке». Спустя два дня соответствующие предложения были направлены в ЦИК СССР и ЦК ВКП(б). Как можно предположить, понимания чекисты не встретили. Однако здесь необходимо учитывать, в какой ситуации появилась эта инициатива. Летом 1926 года в РВС СССР возникло предложение учредить «орден Ильича». Им предлагалось награждать лиц, имеющих четыре ордена Красного Знамени. К 1928 г. таких было четыре человека: В.К. Блюхер, С.С. Вострецов, И.Ф. Федько, Я.Ф. Фабрициус.

Понятно, что чекисты шли по пути, который был проложен руководством РККА. Однако сам орден Ленина был учрежден лишь в 1930 г., и появление «ордена Дзержинского» раньше, чем появился орден Ленина, видимо, показалось преждевременным. Вместо этого был выпущен памятный знак-жетон с профилем основателя ВЧК.

Второй раз руководство ОГПУ попыталось учредить «орден Феликса Дзержинского» в 1932 г. В.Р. Менжинский направил Сталину предложение, в котором говорилось, что «специфические условия работы органов ОГПУ требуют от оперативного состава личной выдержки, инициативы, беззаветной преданности партии и революции, личной храбрости, зачастую сопряженной с риском для жизни. В большинстве случаев эти исключительные заслуги перед революцией совершаются отдельными работниками в обстановке, которую нельзя отнести к боевой в общепринятом смысле, вследствие чего ряд работников ОГПУ, несмотря на заслуги, остаются не отмеченными высшей наградой – орденом «Красное Знамя»».

Проект ордена Дзержинского повторял орден Красного Знамени размером и формой. Различия были в том, что в центре красной звезды, вместо серпа и молота, расположен барельеф Дзержинского в лавровом венке. На месте факела находился меч, а в нижней части вместо слов «РСФСР» (затем «СССР») была надпись в две строки «За беспощадную борьбу с контрреволюцией». Известны и другие варианты проекта «ордена Феликса Дзержинского».

Фактически эта награда должна была для чекистов заменить орден Красного Знамени. На записке Менжинского генеральный секретарь ЦК ВКП(б) написал «Против. Ст[алин]».

Можно только догадываться о мотивах сталинского отказа. Вероятно, он считал, что не надо ставить Дзержинского на один уровень с Лениным, а может быть хотел указать чекистам

их место. Так или иначе, эта история хорошо иллюстрирует роль образа первого председателя ВЧК в воспитании нескольких поколений сотрудников спецслужб. Безусловно, что она гораздо более значительная, чем та роль, которую играли личности первых народных комиссаров по военным делам или главковерхов РККА при воспитании красных командиров. **По сути, «образ Дзержинского» представлял самостоятельный архетип в советской культуре.**

Для нашего исследования важно, что именно в эпоху Дзержинского начал формироваться своеобразный образ ВЧК как «авангарда партии». Этому способствовал и кадровый состав сотрудников, который был «партийным», но «инородным». На это влияла и миссия ВЧК – «беспощадная борьба с контрреволюцией», которая предъявляла повышенные требования к кадрам. Кроме того, формированию передового образа ВЧК способствовала готовность руководства спецслужбы принять активное участие во внутрипартийной борьбе.

Первый заместитель председателя и первый нарком

«Взлет Ягоды начинается после смерти Дзержинского, когда во главе ОГПУ [был] поставлен Менжинский. Однако, в связи с тяжелой болезнью и лежачим образом жизни, реальное управление делами сосредотачивается в руках Ягоды», – утверждает с своих мемуарах М. Шрейдер.

Этот миф («возвышение Ягоды началось только при Менжинском») очень распространен в отечественной литературе. Однако на самом деле прав А.М. Плеханов, который справедливо утверждает, что «Ягода был верным соратником и другом Дзержинского». Феликс Эдмундович действительно покровительствовал Генриху Григорьевичу Ягоде, что иногда пытались объяснить его национальностью. Так, Троцкий ошибочно полагал, что все дело в том, что Дзержинский «по личным связям, естественно, собирал вокруг себя поляков». Другие считают, что председатель ВЧК «неровно дышал» к евреям-чекистам.

Для характеристики настроений Г. Ягоды в это время многое может сказать одна деталь – обстоятельства утверждения первой ведомственной награды ВЧК – звания «Почетный работник ВЧК- ГПУ»: **«Почетный знак есть круговая порука всех носящих его в безграничной преданности делу Революции»**, – утверждал Ягода.

Орден имени Дзержинского, как было сказано выше, так и не был создан, однако у чекистов была другая ведомственная награда. В декабре 1922 года к пятилетнему юбилею органов был учрежден знак «Почетного работника ВЧК-ГПУ». Точнее, в этом году было лишь принято решение об учреждении звания «Почетный работник ВЧК- ГПУ», а знак появился летом 1923 г.

Положение о почетном знаке «ВЧК-ГПУ» с его описанием было утверждено 12 июля на заседании Коллегии ГПУ и объявлено Приказом ГПУ № 307 от 19 июля 1923 г.: «Почетный юбилейный знак ВЧК/ГПУ изображает овальный обруч из матового серебра с надписью «ВЧК —1917 г. ГПУ—1922 г.». На обруч наложен серп и молот, перекрещенный мечом, эта эмблема окаймлена римской цифрой «V», покрытой красной эмалью. На обороте знака гравирована порядковый номер».

В утвержденном Коллегией ГПУ положении о почетном знаке говорилось, что кавалеры его, «уходя из органов ГПУ на другую советскую, политическую или профессиональную работу, сохраняя звание «Почетных чекистов», должны связываться с органами ГПУ по месту их нахождения, постоянно оказывая этим органам соответствующую помощь и содействие». Все они имели право беспрепятственного входа в здания всех органов ГПУ по предъявлению грамоты к почетному знаку.

Кавалерам знака полагались привилегии после увольнения из ОГПУ: повышенная пенсия, сохранение квартир в ведомственных домах ОГПУ, прикрепление к лечебным учреждениям ОГПУ и получение санаторных путевок, право получения вне очереди жилья, право ношения чекистской формы одежды и право хранения, приобретения и ношения оружия, одно время была и надбавка к окладу. Конечно, в реальности все было по разному, но интересен замысел создателя этого знака Г. Ягоды: при помощи него создавался «орден посвященных», члены этого закрытого ордена были связаны круговой порукой.

Следует учитывать, что годом раньше, в 1921 году, Сталин считал, что роль «ордена меченосцев» должны выполнять не чекисты, а Партия. В черновике его статьи есть такие слова: «Компартия – как своего рода орден меченосцев внутри государства Советского, направляющий органы последнего и одухотворяющий их деятельность». Строкой ниже Сталин уточняет: «могучий орден»... Тогда его идеи не встретили открытой поддержки, но в другом «центре силы» Советского Союза – на Лубянке, думали так же. Правда, не по поводу Партии, а по поводу чекистов.

Сначала знаком были награждены 140 человек.

Знак № 01 получил Председатель ГПУ Дзержинский Феликс Эдмундович.

№ 02 – член Коллегии и начальник Восточного отдела ГПУ Яков Христофорович Петерс.

№ 03 – начальник охраны В.И.Ленина Абрам Яковлевич Беленький.

№ 06 – полпред ГПУ по Уралу Григорий Семенович Мороз.

№ 07 – заведующий Специальным отделом ГПУ Глеб Иванович Бокий.

№ 08 – 1-й заместитель Председателя ВЧК-ГПУ Уншлихт Иосиф Станиславович.

№ 09 – заместитель Председателя ВЧК-ГПУ Вячеслав Рудольфович Менжинский.

№ 10 – начальник ОО ГПУ Ягода Генрих Григорьевич (Енох Гершонович).

№ 11 – нарком внутренних дел СССР, Председатель ВУЧК Василий Николаевич Манцев.

№ 12 – начальник Московского губотдела ГПУ Филипп Демьянович Медведь.

№ 13 – председатель Петроградской ЧК Станислав Адамович Мессинг.

Знак выдавали до декабря 1932 года. Максимально известный номер знака, выданный чекисту, – № 785. 15 ноября 1932 года им был награжден Сигизмунд Михайлович Вейзагер, начальник экономического отдела ПП ОГПУ по Белорусской ССР.

До смерти Дзержинского в 1926 г. была выдана примерно половина знаков, а с 1928 по 1932 гг. – вторая половина. Условно назовем их «первым поколением» почетных чекистов и «вторым поколением» почетных чекистов. Первых награждал

Дзержинский, вторых – Менжинский и Ягода. В дальнейшем я буду указывать в сносках, каким именно знаком был награжден тот или иной чекист, а также приводить номер знака (по нему можно определить, когда была получена награда).

Вернемся к фигуре Генриха Ягоды. Почему, несмотря на «невероятное высокомерие и тщеславие» Ягоды, выбор остановился именно на нем? Его карьера в ВЧК была стремительной: с 1920 он был членом Президиума ВЧК, а затем стал членом коллегии ГПУ. С сентября 1923 года он – второй заместитель председателя ОГПУ, с июля 1926 – первый.

Во-первых, сыграли роль организаторские способности чекиста. «Генрих Григорьевич Ягода, член партии с дореволюционным стажем, был, на мой взгляд, крупным хозяйственным и прекрасным организатором, – пишет в своих мемуарах чекист Шрейдер. – Может быть, именно поэтому еще при жизни Ф.Э. Дзержинского он был выдвинут на должность одного из заместителей председателя ОГПУ по административной или хозяйственной части».

Во-вторых, возвышение Ягоды объяснялось и кадровым дефицитом в ОГПУ. В период НЭПа образованные коммунисты и хорошие организаторы были нужны на хозяйственной или государственной работе. Это видно даже по анализу должностей, которые занимали руководители ВЧК-ОГПУ. Дзержинский возглавил ВСНХ, формально оставаясь во главе органов, И.С. Уншлихт с осени 1923 – член РВС Республики, а затем заместитель наркома по военным и морским делам М.В. Фрунзе, В.Н.Манцев, в 1924-36 – начальник планово-экономического управления ВСНХ, заместитель наркома финансов СССР; Я.Х. Петерс ушел на советскую службу в 1929 г., М.Я. Лацис с 1922 г. на хозяйственной работе во главе Солесиндиката, а затем в Наркомземе. Иными словами, подбирая руководителя спецслужбы, властям страны надо было сделать выбор между Ф. Медведем, С. Мессингом, Г. Ягодой и Г. Бокием, к которым затем присоединился М. Трилиссер.

Огромную роль в возвышении Ягоды сыграла его активность в борьбе с троцкистами. Следует учитывать, что влияние троцкистской оппозиции в ОГПУ было довольно заметным. А.М. Плеханов утверждает, что по подсчетам председателя ОГПУ, во время дискуссии 1923–1924 гг. в аппарате ОГПУ из 551 членов РКП (б) на стороне ЦК были 367 человек, 40 однозначно на стороне троцкистов и еще 129 «колебались».

Это, конечно, приукрашенная картина. В действительности, если верить мемуарам, то в разных парторганизациях ОГПУ сторонников Троцкого было до половины. Очень выразителен рассказ Ф.Д. Медведева о дискуссии в Москве. По его словам, троцкисты первоначально

вообще добились большинства, «Дзержинскому и другим членам коллегии вообще говорить не давали. Требовали немедленно ввести внутрипартийную демократию, разогнать партийный аппарат. «Долой бюрократов, долой аппаратчиков», – сплошь и рядом кричала ячейка. Пришлось прекратить собрание и перенести на следующий день. Ну, а на следующий день были приняты меры. Во-первых, срочно по прямому проводу вызвали из Ленинграда Зиновьева, затем Феликс особо заядлых крикунов частью изолировал, частью отправил в срочные командировки. На следующий вечер собрание открылось речью Зиновьева. Этот и начал. Говорил четыре часа подряд. Все обалдели, слушая его. Голоснули – и что же? Несмотря на принятые меры, ничтожным большинством прошла резолюция ЦК».

Причины популярности Троцкого среди чекистов очевидны. Многих раздражало отсутствие внутрипартийной демократии. «Где у нас равенство в единой коммунистической партии? На бумаге, в уставе партии. А на самом деле, верхи и низы. Начальники и подчиненные. Верхи обросли на теплых местах и тянут к себе родственников, подхалимов, бюрократов. Везде и повсюду круговая порука. Рука руку моет. Только внутрипартийная демократия даст возможность проявить все недочеты нашей партии и избавиться от них».

Кроме того, в условиях перехода к новой экономической политике материальное положение сотрудников ОГПУ резко ухудшилось. Из органов и войск ОГПУ начался массовый уход, основной причиной которого стала скудная зарплата и ее несвоевременная выплата. Катастрофическую ситуацию описывал председатель ГПУ Украины Манцев: денежное довольствие и продпак мизерны, чекисты живут за счет продажи на рынке своих вещей, находятся «в состоянии перманентного голода. На этой почве происходит общее понижение работоспособности, настроение сотрудников озлобленное, дисциплина падает... зарегистрирован ряд случаев самоубийств на почве голода и крайнего истощения». Манцев утверждал, что лично получает письма сотрудниц, которые сообщают, что вынуждены заниматься проституцией, чтобы не умереть с голоду, арестованы «за грабежи и налеты десятки, если не сотни сотрудников, и во всех случаях установлено, что идут на разбой из-за систематической голодовки. Бегство из чека повальное...».

Дзержинский, в силу своих возможностей, пытался исправить ситуацию. Манцев ставил вопрос ребром: «Если чека не нужна, то об этом надо сказать прямо и твердо. И мы соответствующим образом будем тогда поступать». На этот вопрос нужно было найти ответ, и Ягода, «хороший организатор и хозяйственник», был незаменим в этой роли. Сам Ягода получил возможность выступить в роли «защитника чекистов и благодетеля».

Кроме того, следует учитывать, что в троцкистской оппозиции принимали участие многие бывшие чекисты. Например, Иван Петрович Бакаев служил в ВЧК (сначала Петрограда, затем Юго-Востока) в 1919–1921 гг., Котэ Цинцадзе руководил Грузинской ЧК в 1921–1922 гг., Яков Абрамович Лившиц был председателем Киевской ЧК (1920–1921), а затем был заместителем председателя ГПУ УССР, начальником Секретно-оперативной части ГПУ УССР. Конечно, к 1927 г. они ушли из ОГПУ, но связи, видимо, оставались, и несмотря на принятые меры, влияние троцкистов в ОГПУ оставалось заметным. А.М.Плеханов справедливо считает, что написанная в 1927 году «Современная баллада» точно отражает настроение в органах:

Ненастное небо угрюмо,
Лежит на диване чекист,
Томят его черные думы...
Повсюду разруха, смятение развал...
Что делать? Где выход желанный найти?
Остаться ли Сталина верным рабом?
Иль с Троцким устроить партийный погром?

Не позже 1927 года ОГПУ перешло к активным арестам троцкистов. Ягода, видимо, действительно был близок к правым (Рыкову, Бухарину, Томскому, Угланову), что было особенно заметно в конце 1920-х. Сам Ягода признает, что был близок к правым по «идейным мотивам», кроме того, он мог считать, что со временем правые победят. В 1928 – начале 1929 гг. он несколько раз встречался с лидерами правых на даче Томского.

Всем старым членам ЦК было хорошо известно, что в июле 1928 года между оппозиционером Л. Каменевым и Н. Бухариным произошел разговор, в котором правые пытались договориться с троцкистско-зиновьевской оппозицией о совместной борьбе против Сталина. В ходе этого разговора Бухарин якобы заявил: «Наши потенциальные силы огромны. Рыков, Томский, Угланов абсолютно наши сторонники. Я пытаюсь оторвать от Сталина других членов Политбюро, но пока получается плохо. Орджоникидзе не рыцарь. Ходил ко мне и ругательски ругал Сталина, а в решающий момент предал. Ворошилов с Калининым тоже изменили нам в последний момент. Я думаю, что Сталин держит их какими-то особыми цепями. Оргбюро ЦК ВКП(б) наше. Руководители ОГПУ Ягода и Трилиссер – тоже. Андреев тоже за нас». Упомянутый в разговоре, Меер Абрамович Трилиссер, руководитель иностранного отдела ОГПУ, пришел в центральный аппарат только в 1922 году, но благодаря уму и организаторским способностям быстро сделал карьеру. В 1928 году он стал заместителем председателя ОГПУ и уполномоченным ОГПУ при СНК СССР.

Информация об этом разговоре была опубликована зимой 1929 г., а 6 февраля 1929 г. Менжинский, Ягода, и Трилиссер официально заявили, что считают ее ложью и клеветой. Но поверил ли Сталин им? По крайней мере, «неприятный осадок остался».

Вслед за этим в ОГПУ разгорелся скандал вокруг банальных попоек руководства ОГПУ. Как можно понять, эта история привела к острому конфликту между Трилиссером и Ягодой. Трилиссер обвинял Ягоду в сочувствии правым и говорил о необходимости самокритики в органах. Это вызвало решительное осуждение со стороны Сталина. 16 сентября 1929 года вождь писал Менжинскому письмо: «Прежде всего, как Ваше здоровье? А потом – два слова о делах чекистских. Дело в том, что считаю нужным предупредить Вас о некоторых болезненных явлениях в организациях ГПУ, о которых рассказал мне на днях Реденс. Оказывается у вас (у чекистов) взят теперь курс на развернутую самокритику внутри ГПУ. Иначе говоря, чекисты допускают те же ошибки, которые были допущены недавно в военведе. Если же верно, то это грозит разложением ГПУ и развалом чекистской дисциплины. Не забудьте, что ГПУ – не менее военная организация, чем военвед. Нельзя ли проверить это дело и если оно подтвердится, принять решительные меры против этого зла».

27 октября 1929 года решением Политбюро ЦК ВКП(б) начальник Иностранного отдела ОГПУ Меер Абрамович Трилиссер был освобожден от занимаемой должности. Почему Сталин встал на сторону Ягоды и не поддержал Трилиссера? Было ли дело только в «самокритике»? Возможно, что не менее важную роль сыграл арест Якова Блюмкина.

Дело в том, что весной 1929 убийца Мирбаха был одним из организаторов и резидентов советской разведки. Бывший троцкист Блюмкин установил контакты с Троцким в Константинополе и выразил готовность выполнять поручения высланного вождя в СССР. Ситуация была сложная: в Москве шла борьба с правыми, многие бывшие троцкисты возвращались в партию, считая, что Сталин «понял правоту левой оппозиции». Троцкий говорил, что в «трудные часы Сталину придется призвать» оппозиционеров против натиска правых, как «Церетели призвал большевиков против Корнилова». Обсуждалась и вероятность падения «группы Сталина» в «ближайшие месяцы», если он не поймет необходимости союза с троцкистами. С этими мыслями Блюмкин в середине августа 1929 г. вернулся в Москву.

Сначала Блюмкин планировал выполнить ряд поручений Троцкого. Кроме того, он рассказал бывшим оппозиционерам К. Радеку и И.Т. Смильге о своих константинопольских встре-

чах. Затем, поняв, что его могут арестовать, Блюмкин 14 октября 1929 года написал признательное письмо своему руководителю Трилиссеру и попытался сбежать, однако был задержан. Безусловно, дело Блюмкина резко подорвало авторитет Трилиссера. В 1928 г. Блюмкин успешно пережил партийную чистку, во многом благодаря отличной характеристике начальника иностранного отдела ОГПУ. Партийный комитет ОГПУ и руководитель чисток Абрам Солыц тогда характеризовали чекиста как «проверенного товарища». Даже после ареста Блюмкина, на Коллегии ОГПУ Менжинский и Ягода голосовали за расстрел, а Трилиссер – против. 5 ноября 1929 года было принято решение Политбюро о расстреле Блюмкина. Кажется, что позиция Трилиссера в «деле Блюмкина» могла предопределить отношение к нему Сталина.

Спустя два года в ситуации нового внутреннего конфликта в ОГПУ, который возник из-за якобы существовавшей военной контрреволюционной организации, Сталин вновь поддерживал Ягodu. Остановимся на этой проблеме подробнее. Значительная часть офицеров царской армии, служивших в РККА, была настроена по отношению к Советской власти весьма скептически. В борьбе Сталина и Троцкого военспецы были на стороне первого, прежде всего, потому, что были «настроены юдофобски».

В первой половине 1930 г. накопилось достаточно много информации об «ужесточении отношения» многих бывших генштабистов к Советской власти. И связано это было, прежде всего, с политикой сплошной насильственной коллективизации села, с политикой уничтожения кулачества как класса. В ГПУ УССР от источников в Иностранном отделе стали поступать тревожные сведения, что «уже разработан план восстания», начало которому положили бы боевые действия перешедших советскую границу петлюровских отрядов. Затем в дело должны были вступать некоторые части Красной армии, дислоцированные на Украине и обработанные в антибольшевистском духе.

Руководство украинского ГПУ полагало, что часть секретных сотрудников являются «двойниками», подставленными польской разведкой.

Докладные записки по делу «Весна» (такое агентурное название оно получило в связи с тем, что восстание якобы планировалось на весну 1931 г.) были направлены в Центр, и их рассмотрели Менжинский и Ягода. Поскольку нити от «киевской организации тянулись в Москву и другие крупные военные гарнизоны», в октябре 1930 г. Менжинский проинформировал об этом Сталина: «Считаю необходимым представить Вам сообщение об... организации, открытой Украинским ГПУ, представляющей выдающийся интерес».

Сталин дал санкцию на активные действия, и уже в феврале 1931 г. украинские чекисты (В. Балицкий и И. Леплевский) заявили, что вышли на след «всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации», а нити заговора тянутся в Генштаб РККА.

Этот вывод не мог «встретить понимания и поддержки у контрразведчиков и особистов из центрального аппарата ОГПУ», потому что получалось, что они проглядели «заговор военных» в Москве. Начальник Секретно-политического управления Е.Г. Евдокимов санкционировал инспекторскую проверку, которая показала, что «отдельные фигуранты дела «Весна» действительно настроены негативно к Советской власти, критиковали некоторые решения партии и правительства, многие знают друг друга, однако организационно не связаны». Эта формулировка («организационно не связаны») означает, что никакой «всесоюзной военно-офицерской контрреволюционной организации» не было.

Вот что писал о деле «Весна» в своих мемуарах чекист Шрейдер: «Году в 1931-м... заместитель председателя ОГПУ Мессинг, начальник административного отдела Воронцов, начальник особого отдела Ольский, полпред ОГПУ по Московской области Бельский, начальник секретно-оперативного управления Евдокимов (см. об этих чекистах ниже... – Л. Н.) и кто-то еще подали заявление в ЦК ВКП(б) с жалобой на Ягodu, ориентирующего периферийные органы на создание «раздутых» дел... где были арестованы значительные группы бывших офицеров и прочих контрреволюционно настроенных элементов без достаточных оснований

и конкретных обвинений. Вместо тщательной проверки материалов обвинения, Ягода поспешил доложить в ЦК о раскрытии «заговоров» и т. п. Заявление группы руководящих работников ОГПУ слушалось на заседании Политбюро, и, как мне потом рассказывал Л.Н. Бельский, Сталин, выслушав его, сказал примерно следующее: «Мы никому не позволим позорить наши органы и клеветать на них. Люди, подписавшие это заявление, – склочники, и их пребывание в ОГПУ может принести только вред, так как они не смогут вести должной борьбы с вредителями». В тот же день поздно ночью Бельский и другие жалобщики получили пакеты с выписками из решения Политбюро об их откомандировании из ОГПУ в другие наркоматы. Бельский, Ольский и Воронцов были направлены на работу в Наркомпищепром. Мессинг, по словам его жены, чуть ли не год оставался без назначения. Один Евдокимов, кажется, остался в органах».

Остались также и официальные документы, освещающие этот конфликт. В письме Сталина от 10 августа 1931 г. руководителям региональных партийных организации написано: «т.т. Мессинг и Бельский отстранены от работы в ОГПУ, тов. Ольский снят с работы в Особом отделе, а т. Евдокимов снят с должности начальника Секретно-Оперативного управления с направлением его в Туркестан на должность ПП (полномочного представителя. – Л.Н.) на том основании, что:

а) эти товарищи вели в руководстве ОГПУ совершенно нетерпимую групповую борьбу против руководства ОГПУ; б) они распространяли среди работников ОГПУ совершенно не соответствующие действительности, разлагающие слухи о том, что дело о вредительстве в военном ведомстве является «дутым» делом; в) они расшатывали тем самым железную дисциплину среди работников ОГПУ».

По делу «Весна» было репрессировано более 3 тысяч человек. А.А. Зданович считает, что «события, происходившие с января 1931 г., предопределили появление феномена под названием «1937 год». Представляется, что этот исключительно верный вывод нуждается в конкретизации и детализации. Суть событий не только в том, что в начале 1931 года в органах была сформирована организационная и политическая атмосфера, в которой сомнения в возможности военного заговора стали считаться политически вредными и опасными для карьеры. Дело еще и в том, что в 1931 году была сформирована технология формирования «дела о военном заговоре». Основой для создания таких дел являлись реальные разговоры военных, которые должны были подтвердить их оппозиционность. В 1936–1937 гг. в качестве доказательств использовались сведения о беседах, которые вели Тухачевский и Якир, обсуждая некомпетентность ставленника Сталина, наркома К.Е. Ворошилова. На следующем этапе важную роль должен был сыграть «вброс» информации от иностранного отдела, который должен подтвердить, что «заграница поможет заговорщикам». Затем заявления ИНО усиливались предположением, что «разоблачаются» «двойники», которые дезинформируют руководство». Одновременно чекистам необходимо было получить санкцию высшего политического руководства. Как я показал в исследовании «Сталин и НКВД», именно так и разворачивались события в 1936–1937 гг.

Уход Мессинга, Бельского, Ольского, Воронцова и понижение Евдокимова привели к возвышению новых руководителей. В первую очередь это, конечно, Яков Самуилович Агранов, который сменил Бельского на посту руководителя ОГПУ по Московской области, а затем должен был возглавить Главное управление государственной безопасности, но на февральско-мартовском пленуме 1937 г. Агранов оправдывался: «Действительно, еще в конце 1935 г. по прямому предложению т. Сталина я был назначен начальником Главного управления государственной безопасности. Я ждал выписки из постановления ЦК. Этой выписки не было до конца 1936 года. Когда я спрашивал Ягodu, что означает эта задержка, т. Ягода говорил, что, видимо, ЦК считает правильной точку зрения его, Ягоды, что Главное управление государственной безопасности должно возглавляться самим наркомом. Ат. Ягода упорно в продолжение ряда лет сопротивлялся тому, чтобы кто-нибудь руководил ГУГБ помимо него. (Микоян:

А почему вы не сказали ЦК партии об этом?) Я после решения ЦК заболел и долго отсутствовал. А когда я приехал, то занялся следственным делом по троцкистам. К тому же я должен был проявить в отношении себя немного скромности. Я считал, что если нет постановления ЦК о моем назначении начальником ГУГБ, значит, у ЦК имеются какие-то соображения на этот счет». Так или иначе, Ягода не отдал Агранову контроль над структурами ОГПУ.

Е.Г. Евдокимова сменил Георгий Андреевич Молчанов (см. ниже), а начальника иностранного отдела С. Мессинга сменил Артур Христанович Артузов. После ухода Артузова в Разведупр иностранный отдел возглавил Абрам Аронович Слуцкий, который являлся главным резидентом ИНО ОГПУ по странам Европы и возглавлял параллельный с московским центр разведки.

Разведчик Павел Судоплатов «уважал Слуцкого как опытного руководителя разведки» и внимательного человека. Иначе считал Орлов: «Его характерными чертами были лень, страсть к показухе и пресмыкательство перед вышестоящим начальством. Слабохарактерный, трусливый, двуличный Слуцкий в то же время был неплохим психологом и обладал тем, что называется «подход к людям». Одаренный богатой фантазией, он умел притворяться и артистически разыгрывать роль, которую в данный момент считал выгодной для себя. Его выразительные глаза, лучащиеся добротой и теплом, внушали впечатление такой искренности, что на эту приманку нередко клевали даже те, кто хорошо знал Слуцкого». Вместе с тем, он высоко оценивал профессиональные качества Слуцкого.

В это же время началось возвышение Льва Григорьевича Миронова (Каган). Орлов считал его «дельным экономистом и контрразведчиком» и утверждал, что Миронов поступил на службу в органы государственной безопасности по его рекомендации. «Я договорился, что Миронов будет исполнять мои обязанности заместителя начальника Экономического управления ОГПУ. Благодаря этим способностям, несколько лет спустя Сталин быстро оценил выдающиеся способности Миронова и начал поручать ему специальные задания, о выполнении которых Миронов отчитывался лично перед ним.

Другой автор воспоминаний, Шрейдер, подчеркивает, что в отличие от большинства руководителей ОГПУ-НКВД Миронов жил очень скромно. Кроме того, он писал, что «Миронов просто был умным человеком, и те нездоровые тенденции, которые мы, находящиеся вдали от центра, поняли значительно позднее, он, как член коллегии НКВД, уже видел воочию».

«Миронов достиг высокого положения, – продолжает Орлов, – Он обладал властью и пользовался немалым авторитетом. Но это не принесло ему счастья. Дело в том, что от природы он был очень деликатным и совестливым человеком. Его угнетала та роль, какую он вынужден был играть в гонениях на старых большевиков. Чтобы устраниваться от этих неприятных обязанностей, Миронов одно время пытался получить назначение на разведывательную работу за рубежом. Позже он сделал попытку перевестись в народный комиссариат внешней торговли, на должность заместителя наркома, но когда дело дошло до утверждения этого перевода в ЦК, Сталин запретил Миронову даже думать об этом».

Легендарная фигура органов – Глеб Иванович Бокий. Самый старый чекистский «генерал» родился в 1879 г. в семье учителя, в Тифлисе, русский. Учился в Петербургском горном институте, член «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (!), в 1905 участвовал в боях на баррикадах, член Русского бюро ЦК РСДРП 1916–1917. До революции он 12 раз подвергался арестам, два раза находился в ссылке. В Петрограде он стал организатором «красного террора» после убийства Урицкого. После окончания гражданской войны возглавил т. н. специальный (шифровальный) отдел и руководил им в течение 15 лет. Бокий был одним из создателей т. н. «русского кода», хранителем секретов системы и организатором службы дешифровки. Информация о нем крайне противоречива. С одной стороны, нестигаемый большевик, с другой – поклонник Рериха, инициатор создания специальной лаборатории «для установления контакта с Шамбалой». Кроме того, он был куратором Соловецкого лагеря особого назначения

(СЛОНа). После ареста огласку получили оргии на «даче Бокия», хотя сейчас трудно проверить достоверность этой информации. О Глебе Бокии написано много, однако ясно только одно – при Ягоде он держался особняком. Прежде всего, он хранил свои секреты. Видимо, именно поэтому, несмотря на легендарный партийный стаж, Бокия был только комиссаром 3-го ранга.

Вернемся к причинам возвышения Ягоды. Во многом оно также объясняется тем, что Ягода сумел создать себе прочные позиции в центральном аппарате. Ветеран советской разведки Б.И. Гудзь писал, что Ягода «прагматик, делец с отсутствием какой-либо идейности в облике. В отношении с подчиненными выискивает какие-либо отрицательные моменты, допущенные ошибки, для того чтобы использовать это впоследствии для нажима на того или иного подчиненного». Да и сам Ягода на следствии рассказывал примерно то же самое. «Надо сказать о системе воспитания непосредственно соприкасающихся со мной работников ОГПУ – НКВД, которую я проводил в течение многих лет. Она сводилась к тому, что я сначала подчинял людей своему личному влиянию. В отношении большинства мне, как руководителю, это удавалось». В принципе, Ягода действовал именно так, как его учил Дзержинский – «подчинял личному влиянию». Просто масштаб личности был разный и «подчинение» происходило разными методами.

Затем Ягода «переходил на другую ступень» и внушал мысль об избранности чекистов, «связанных круговой порукой»: «Я внушал людям отчужденность от партии, выращивал в их сознании идею, что государственная разведка должна играть в политике самостоятельную от партии и правительства роль».

Охарактеризуем биографии тех людей, которые, вероятно, были лично преданы Ягоде.

В 1937 году Ягода говорил, что первым он «подчинил личному влиянию» Георгия Молчанова. Последний стал начальником секретно-политического отдела (СПО) вместо Евдокимова в 1931 г., выдвинувшись, благодаря разоблачению вредительства в текстильной промышленности в Ивановской области. На февральско-мартовском пленуме 1937 никто не взял на себя ответственности за его перевод в Москву. Современные исследователи выдвигают предположение, что покровителем Молчанова был П. Постышев.

Ягода утверждал, что «завербовал» Молчанова еще в конце 1920-х. В 1927 году зампред ОГПУ получил сведения о каких-то молчановских «уголовных грехах» на Кавказе, затем и сам Молчанов лично признался ему в приписке партстажа. Ягода заявил, что нуждается в лично преданных людях, что «судьба его в моих руках, но что если он будет выполнять всякие мои указания, то я не дам ходу материалам на него». В 1931 году Молчанов пришел с сообщением, что секретарь Ивановского губкома Колотилов сочувствует правым. Из того, как он излагал взгляды Колотилова, Ягода почувствовал, что и сам Молчанов стоял на позициях правых, разделял их взгляды и именно тогда назначил его начальником СПО. Так или иначе, именно на посту начальника секретно-политического отдела Молчанов вел основную подготовительную работу по подготовке первого московского процесса

Другой «подчиненный влиянию» Ягоды – Георгий Евгеньевич Прокофьев, начальник ГУРКМ. С 10 июля 1934 он был заместителем наркома внутренних дел СССР, занимался административными вопросами. Ягода «завербовал» его в свою группу на том, что Прокофьев «ходил когда-то в троцкистах».

Карл Викторович Паукер занимался охраной Кремля и членов Политбюро. Орлов дает вполне прозаическое объяснение его успешной карьере: «Человек малообразованный и политически индифферентный, он получил там должность рядового оперативника и занимался арестами и обысками. На этой работе у него было мало шансов попасться на глаза кому-либо из высокого начальства и выдвинуться наверх. Сообразив это, он решил воспользоваться навыками, приобретенными еще на родине, и вскоре стал парикмахером и личным ординарцем Менжинского, заместителя начальника ВЧК. Тот был сыном крупного царского чиновника и

сумел оценить проворного слугу. С тех пор Паукер всегда находился при нем. Даже когда Менжинский в 1925 году отправился на лечение в Германию, он прихватил с собой Паукера.

Постепенно влияние Паукера начало ощущаться в ОГПУ всеми. Менжинский назначил его начальником Оперативного управления, а после смерти Ленина уволил тогдашнего начальника кремлевской охраны Абрама Беленького и сделал Паукера ответственным за безопасность Сталина и других членов Политбюро».

Так или иначе, Паукер сумел создать целую службу, обеспечивающую безопасность руководства страны, которая включала сотни сотрудников. «Паукер пришелся Сталину по вкусу. Сталин не любил окружать себя людьми, преданными революционным идеалам, – таких он считал ненадежными и опасными... В этом смысле Паукер был абсолютно надежен: по своей натуре он был так далек от идеализма, что даже по ошибке не мог бы оказаться в политической оппозиции. Его не интересовало ничто, кроме собственной карьеры». Ягода считал его наиболее близким и преданным человеком, но в своих показаниях он не объяснял, когда и как он его «завербовал».

Марк Исаевич Гай в 1932 году стал начальником ОО ОГПУ (НКВД) СССР. Ягода якобы «завербовал» его по совету Прокофьева, используя сомнительное прошлое и настоящее («преступный склад характера, сифилитик»), однако утверждал, что смог доверять ему относительно поздно, в 1934–1935 гг.

Александр Михайлович Шанин был начальником транспортного отдела. Орлов называет его близким другом Ягоды. Большую роль при этом же наркоме играл начальник АХУ Иосиф Маркович Островский и «даже равные ему по положению, начальники управлений ОГПУ заискивали перед ним, а нижестоящие – прямо-таки трепетали... После каждого совещания руководящих работников ОГПУ-НКВД в Кремле устраивались так называемые «приемы» с шикарным обедом или ужином, вспоминает Шрейдер. «Организация банкетов всегда поручалась Иосифу Марковичу Островскому как начальнику административно-организационного управления ОГПУ-НКВД, в ведении которого находились санитарный отдел со всеми больницами, санаториями и домами отдыха, хозяйственный отдел с совхозами, жилым фондом и мастерскими, финансовый отдел, строительный отдел, который ведал строительством гостиницы «Москва», дома Совнаркома, нового здания ОГПУ, стадиона, водной станции и проч., и проч. Если же иметь в виду, что в ведении Островского находились также все подмосковные и курортные дачи (их строительство, оборудование и распределение среди членов Политбюро и руководящего состава ОГПУ), можно понять, какими неограниченными возможностями он располагал... Вместе с тем, Островский был беспредельно предан партии и был послушным орудием в руках Ягоды, не говоря уже о Сталине, которого боготворил».

«У Сталина, как известно, была манера на банкетах поднимать тост за здоровье того или иного присутствующего, которого он по тем или иным причинам хотел как-то отметить, чем и завоевать еще большую преданность. Как-то удостоился такой чести и Островский, по словам которого Сталин однажды произнес на одном из банкетов примерно следующее: «Товарищи! По легенде самым справедливым и безгрешным человеком на земле был Иисус Христос. И представьте – даже на этого самого справедливого человека многие жаловались. Поэтому нет ничего удивительного в том, что поступает много жалоб на присутствующего здесь товарища Островского. Предлагаю выпить за здоровье этого замечательного организатора и хозяйственника, который своим самоотверженным трудом обеспечивает всем необходимым не только начсостав ОГПУ, но и нас, грешных, работников Центрального Комитета!» Много раз, пересказывая эти слова, Островский просто захлебывался от восторга». Островский оказался в кругу Ягоды «на каких-то уголовных делах».

Секретарь наркома Павел Петрович Буланов, по оценкам Шрейдера, был «неприятный, неискренний человек и типичный карьерист. Перед Дерибасом и другим высоким начальством он всячески подхалимничал, стараясь выслужиться, а к нижестоящим сотрудникам относился

пренебрежительно, по-барски». Ягода утверждал, что у Буланова хранился его законспирированный валютный фонд, который он использовал для «покупки нужных людей».

Инженерно-строительный отдел при Ягоде возглавлял Александр Яковлевич Лурье, которого использовали для продажи бриллиантов в Европу и формирования т. н. «конспиративного фонда».

Из показаний Ягоды следует, что среди периферийных работников он считал однозначно своим только Матвея Самойловича Погребинского. Шрейдер считал его любимчиком Ягоды и подхалимом. Орлов дает ему иную характеристику: «Погребинский не был инквизитором по призванию. Хотя ему и пришлось исполнять сомнительные «задания партии», по природе это был мягкий и добродушный человек. Именно Погребинскому принадлежит идея специальных коммун для бывших уголовников, где им помогали начать новую, честную жизнь, и трудовых школ для бездомных детей. Обо всем этом было рассказано в широко известном фильме «Путевка в жизнь», очень популярном в СССР и за рубежом. У Погребинского завязалось близкое знакомство, если не дружба, с А. М. Горьким, очень увлекавшимся одно время идеей «перековки» человека в СССР».

Как мы помним, руководству ОГПУ не удалось учредить «орден Дзержинского», и в 1932 году приказом ОГПУ № 1087 от 23 ноября был учрежден знак «Почетного работника ВЧК-ГПУ» XV годовщины. Внешне он выглядел так же, как и первый, только на нем была изображена другая цифра «XV».

Для награжденных этим новым знаком сохранялась вся прежняя система привилегий. Всего было вручено более 3.000 знаков (есть знак № 3316). Однако это не означает, что всего Почетных работников ВЧК-ОГПУ было около 4000 (800 со знаком 1922 года и более 3300 со знаком 1932 года). 233 кавалера первого знака получили и второй. Всего в 1932–1936 гг. были награждены 1731 человек, следовательно, в этот период, только один знак «Почетный работник ВЧК-ОГПУ (XV)» получили 1498 человек. Условно назовем их «третьим поколением» Почетных чекистов.

В мае 1934 года скончался Менжинский, и Ягода совершил еще один скачок вверх – стал руководить ОГПУ-НКВД. Следует учитывать, что выбор у Сталина был. После смерти Менжинского «в течение некоторого времени среди чекистов ходили упорные слухи, что председателем ОГПУ будет назначен **Анастас Иванович Микоян**, – вспоминал Шрейдер. – Не знаю, обсуждался ли вопрос о назначении на пост председателя ОГПУ Микояна или это был только слух, порожденный нашим большим желанием, но наши надежды не оправдались и полновластным хозяином ОГПУ стал Ягода».

Конечно, у Микояна были реальные шансы на получение должности Менжинского, потому что у него существовали налаженные связи в чекистской среде. «Дело в том, что многие чекисты школы Дзержинского недолюбливали Ягоду, и, естественно, им очень хотелось, чтобы над Ягодой был поставлен контроль. К Микояну же старые чекисты относились с большим уважением. Когда Анастас Иванович был еще молодым наркомом пищевой промышленности, он часто выступал в нашем клубе с блестящими юмором докладами о международном положении и на разные другие темы. Его темпераментная и остроумная речь постоянно прерывалась аплодисментами и взрывами хохота. Микоян был у чекистов любимым оратором и пользовался большой популярностью». Во-первых, Микоян поддерживал Евдокимова и «северокавказцев». Шрейдер именно с этим связывает тот факт, что после конфликта 1931 г. «один Евдокимов... остался в органах», так как «его поддерживали Ворошилов, Микоян и ряд других членов ЦК». Собственно, и сам нарком пищевой промышленности признает, что знал и высоко ценил Евдокимова: в 1925 году Микоян возглавлял парторганизацию Северного Кавказа. Под его непосредственным руководством Евдокимов проводил разоружение Чечни, и Микоян считал, что это была «блестящая операция».

Во-вторых, кажется неслучайным и то, что «противники Ягоды» Бельский, Ольский и Воронцов ушли работать именно к Микояну. Года полтора спустя, в одном из своих выступлений «нарком изобилия», как называли тогда Микояна, особо отметил отличную работу чекистов на пищевом промисловом поприще, после чего Бельский был возвращен на работу в органы на пост начальника Главного управления милиции и заместителя наркома внутренних дел СССР. Иными словами, Микояна поддерживали недовольные Ягодой чекисты, которые ориентировались на Е.Г. Евдокимова (т. н. «северокавказцы» – см. ниже), и Л.Н. Бельского (т. н. «туркестанцы» – см. ниже).

Наибольшая известность пришла к Ягоде после успешного строительства Беломорско-Балтийского канала. «В 1934 году Сталин в сопровождении Ягоды выезжал на открытие Беломорканала, – рассказывает Шрейдер, – после чего в газетах появились хвалебные статьи об организаторских способностях Ягоды и фотография Сталина и Ягоды, где они были изображены чуть ли не в обнимку. Видя все это, чекисты понимали, что, хотя председателем ОГПУ числится Менжинский, фактически же вся власть сосредоточена в руках Ягоды». И действительно, 10 июня 1934 г. Ягода стал наркомом внутренних дел СССР. Кроме того, он получил должность члена ЦК ВКП(б) (на 17 съезде) и члена ЦИК СССР 4–7 созывов. Следует помнить, что Ягода объединил в своих руках и политическую полицию, и политическую разведку, и милицию, и контроль за ГУЛАГом. Впервые в нашей стране возникло ведомство, которое соединяло столь широкие полномочия. Такого не было ни в Российской Империи, ни в первые десятилетия Советской власти.

«В 1936 году карьера Ягоды достигла зенита, – иронизирует Орлов. – Весной он получил приравненное к маршальскому звание генерального комиссара государственной безопасности и новый военный мундир, придуманный специально для него. Сталин оказал Ягоде и вовсе небывалую честь: он пригласил его занять квартиру в Кремле. Это свидетельствует о том, что он ввел Ягоду в тесный круг своих приближенных, к которому принадлежали только члены Политбюро».

Ягода был нужен Сталину как инструмент давления на других наркомов. Сам Ягода говорил на следствии: «Я повторяю, что знал: Ворошилов ненавидел меня. Такое же отношение было со стороны Молотова и Кагановича. Лазарь Моисеевич видел во мне почему-то конкурента. А раньше, до Беломорканала, мы были партнерами».

Интересно, что Орлов пишет практически о том же: «члены Политбюро и правительства ненавидели его (Ягоду. – Л. Н.) лютой ненавистью. Они не могли смириться с тем, что Сталин доверил Ягоде, человеку без революционного прошлого, столь широкую власть, что Ягода получил даже право вмешиваться в дела наркоматов, подчиненных им, старым революционерам. Ворошилов отважился на затяжную борьбу со спецотделами НКВД, созданными Ягодой во всех воинских частях и занимавшимися неустанной слежкой в армии. Каганович, нарком путей сообщения, был раздражен вмешательством Транспортного управления НКВД в его работу. Члены Политбюро, руководившие промышленностью и торговлей (Молотов, Орджоникидзе, Микоян. – Л.Н.), были уязвлены тем, что Экономическое управление НКВД (Миرون. – Л. Н.) регулярно вскрывало скандальные случаи коррупции, растрат и хищений на их предприятиях.

Настраивая Сталина против Ягоды, Каганович и некоторые другие члены Политбюро пытались внушить ему, что Ягода – это Фуше российской революции... Ягода знал, что Каганович прозвал его «Фуше», и был этим изрядно раздосадован. Он предпринимал немало попыток задобрить Кагановича и установить с ним дружеские отношения, но не преуспел в этом». Заметим в скобках, что семантика образа «Фуше» абсолютно в духе традиций «термидора» и «бонапартизма». Т. е. вина Ягоды в том, что он «правый». Ежова, кстати, Сталин любил называть «Маратом» (т. е. «левым»)...

Выше уже говорилось, что в 1931 году в конфликт с Ягодой вступил начальник Секретно-оперативного управления Ефим Георгиевич Евдокимов. Он состоял в революционном движении с 16 лет, сначала вступил в ППС, затем был в рядах анархо-синдикалистов. За его плечами были три ареста, побег, тюрьма, высылка. Из тюрьмы его освободила Февральская революция. В июне-декабре 1919 г. Евдокимов был начальником Особого отдела Московской ЧК. Он руководил арестами и следствием по делу «Штаба Добровольческой армии Московского района» – конспиративной офицерской организации. С июня 1922 Евдокимов – полномочный представитель ГПУ при СНК Украинской ССР по Правобережной Украине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.